

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

1864-й годъ.

егодня, 2 Февраля, я представляюъ Государю. Послѣ сенаторовъ Пинскаго и Рашета подоидя ко мнѣ, Государь сказалъ: Благодарю васъ за вашу службу. Я надѣюсь, что и въ Сенатѣ вы будете также полезны“. Да, но у меня сердце не на мѣстѣ. Въ Саратовѣ что-то нетакъ. Злоба.

Да. Но въ этотъ же день, 2 Февраля, умерла моя сестра, мой милый другъ Евлампія. Какъ это случается въ жизни? Господь вѣдаетъ. Вамъ нужна жертва, сказала она, вотъ вамъ жертва. Убили, просто убили женщину, мать семейства и душу дома. Убили хладнокровно, какъ убиваютъ зависть и злоба. Какія послѣдствія для семейства и особенно для мужа? Какой туманъ покрываетъ глаза мои? Чтò придумаю я? Да. Но гдѣ же правосудіе? Убить человѣка и убить такъ легко, человѣка, на которомъ лежали и обязанность, и отвѣтственность всего семейства.

Другъ мой, сестра моя, прекрасная товарка нашей прекрасной юности, осѣненной *нашею* матерью—я повергаюсь предъ тобою!

У меня видѣнія. Я вижу сестру. Я страдаю и физически, и нравственно. Я молю Бога и прошу людей прекратить это состояніе. У меня два слуха и два зрѣнія. Кто этого не испыталъ, тотъ меня не пойметъ; тотъ не повѣритъ, что я слышу и вижу чего нѣтъ, а между тѣмъ это есть; но мои чувства раздвоились. Чувства организма и чувства мысли, дѣйствительность и воображеніе. Въ самомъ дѣлѣ—когда каждоминутно пронимаетъ лихорадка, это объясняется не такъ легко. И я не знаю, какъ и чѣмъ это кончится (12 Февр. 1864).

*) См. въ 4-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года, стр. 534.

Сегодня, при руководствѣ хранителя древностей Стефани, мы обзрѣвали новыя пріобрѣтенія Эрмитажа, преимущественно изъ музея Кампана. Пріобрѣтенія весьма важныя, замѣтно обогащающія наши коллекціи, но я нахожу, что большіе толки о царицѣ вазъ и о Венерѣ—въ родѣ Медицейской—слишкомъ много придаютъ значенія этимъ произведеніямъ древности. На мои глаза и то и другое произведенія Римскія. Начать съ формы вазы. Она хороша, но недостаточно легка и кажется непропорціональна въ отношеніяхъ середины къ верху и къ низу. Потомъ рельефныя украшенія. Они пестры и на занимаемомъ мѣстѣ не совсѣмъ на мѣстѣ. Имъ слѣдовало бы не рельефомъ и нѣсколько ниже. Что касается Венеры, то она конечно замѣчательна, но сравнивать ее съ Медицейской я не буду.

Путешествіе по Эрмитажу меня утомило. Развлеченія мнѣ не удаются. А уединенія надобно бѣжать, а послѣдовательное серьезное чтеніе невозможно.

Занятія мои съ министромъ приближаются къ концу, и мнѣ скоро придется оставить Петербургъ. Мнѣ почти хочется его оставить.

Сегодня я уѣзжаю. Оставляю Петербургъ совершенно равнодушно, точно онъ мнѣ насолилъ, какъ будто въ немъ жить нехорошо, служба не удалась, или злые враги торжествуютъ. Я знаю, Москва мнѣ не понравится, я знаю, Москвѣ и я не понравлюсь. Мои служебныя отличія ставятъ меня довольно въ исключительное положеніе, а исключительность изолируетъ. Она усиливаетъ непріязнь, прибавляя къ холодности еще долю зависти. Она умаляетъ дружбу, всегда болѣе склонную къ участию въ невзгодахъ.

Ну, прощай гордый Русскій городъ, съ деспотическими твоими властями закона, природы и людскаго гонора. Я очень мало уважалъ эти власти и очень мало терпѣлъ отъ нихъ. Петербургу принадлежать лучшіе годы моей жизни, но онъ ими воспользовался весьма льготно, и я не имѣю никакого права роптать на его требовательность.

Мое второе Московское сидѣнье.

Вотъ уже скоро мѣсяць, какъ я сижу въ Москвѣ, но все еще не рѣшаюсь выразить гласно мои наблюденія и впечатлѣнія: такъ еще сильно чувствуется противоположность старушки Русской и щеголеватаго иностраннаго дѣятеля, иначе бюрократа. Еще погожу, подожду, пристроюсь.

Москва, общество, Сенатъ падаютъ, падаютъ видимо. Въ Москвѣ еще живетъ Филаретъ, но угасающая лампа свѣтитъ уже слабо и если къ ней обращаются съ Петербургскими бумагами, то развѣ по обычаю, и нельзя сказать, чтобы съ пользою. Въ Москвѣ есть и генераль-губернаторъ, но его зовутъ г. Офросимовъ, нѣчто изъ армейскаго и купече-

скаго круга, который давалъ Москвѣ Скалозубовъ и жертвователей на благодѣтельныя учрежденія. Въ Москвѣ живутъ и старые тузы, но не бояры, а генераль-адъютанты: Шиповъ, Закревскій, Н. Муравьевъ, и имъ не оказывается ни довѣрія, ни высочайшаго вниманія, ни движенія, и они не отмѣчаются даже злословіемъ. Въ Москвѣ есть и Сенатъ, конечно умирающій; но Сенатъ этотъ не только не фрондируетъ по прежнему, онъ, чувствуя приближеніе конца, ничего не дѣлаетъ, а ищетъ, заискиваетъ въ Воспитательномъ Домѣ, въ храмѣ Спасителя. Ему нужны пріютъ и спасеніе.

Журналы („Московскія Вѣдомости“ и „День“) и общественныя пересуды живутъ однимъ: ненавистью къ Петербургу. Безъ нея нѣ о чемъ ни говорить, ни писать.

Замѣчаю я много разнузданности въ среднемъ и низшемъ классѣ, особенно въ классѣ слугъ. Жалобы на дурныхъ служителей общія, особенно на кучеровъ и поваровъ. Замѣчаю я менѣе опрятности и уличнаго порядка и много какой-то губернской патріархальности, которая на бульварахъ чулки вяжетъ, завтракаетъ, отдыхаетъ и спитъ, а тутъ бѣгають стаи собакъ, куръ, индѣекъ и даже кошекъ.

Общественность удалилась въ клубы, и они полны. Я въ нихъ еще не членъ и не былъ. Небольшіе кружки, которые я успѣлъ посѣтить, у генерала Шипова, у д. с. с. Сушкова (фрейлина Екат. Ѳедор. Тютчева), сенатора Тимирязева и сенатора князя Одоевскаго, собираютъ людей хорошей компаніи, весьма умныхъ, но немножко фронтѣровъ, немножко нелюбителей Петербургскихъ реформъ и немножко остановившихся и въ чтеніи и въ работѣ.

Трудно себѣ представить, чѣмъ интересуется Москва и какъ жадно ждетъ и принимаетъ Петербургскія новости. Перенося ихъ изъ кружка въ кружокъ, изъ дома въ домъ, молва, болтовня даетъ имъ такіе невѣроятные размѣры, что необходимы все губернское простодушіе и вся старческая довѣренность, чтобы непринять ихъ за вымыселъ и преувеличеніе. Такъ напр. рассказы о Муравьевѣ Виленскомъ, о его встрѣчѣ тысячами народа, о визитѣ ему княгини Суворовой, о дерзкомъ его ропотѣ на неоцѣнку заслугъ его и о его планѣ водворенія и утвержденія Русскаго элемента въ Западномъ краѣ. Особенно послѣднее, планъ представляетъ самую широкую канву для самыхъ фантастическихъ узоровъ. Муравьевъ хочетъ обрусить всѣхъ землевладѣльцевъ въ западныхъ губерніяхъ, Шиповъ хочетъ обрусить все Царство Польское. Имъ сочувствуютъ и Московская и частію Петербургская пресса, и все общество, довольно скорое на всякія сочувствія на словахъ и за брагою. Дѣло въ томъ, что предположено продавать казенныя и частныя имѣнія Русскимъ православнымъ и сдѣлать обязательнымъ при воспи-

таніи Русскій языкъ. Мѣры радикальныя, но едва ли исполнимыя. Императоръ Николай роздалъ майораты православнымъ генераламъ, но мѣра эта не имѣла никакихъ послѣдствій. Казенныя земли пойдутъ въ продажу, если оцѣнить дешево, но потомъ постепенно перейдутъ къ Полякамъ. Частныя имѣнья, за немногими изъятіями, не перейдутъ къ Русскимъ. Патріоты Замойскіе оснуютъ фондъ и не поддадутся. А что касается Русскаго языка, то мѣра эта была предписана въ Остзейскомъ краѣ, но оказалась совершенно бесполезною. Не такими мѣрами притягиваютъ части къ центру. Дайте единство политическое, дайте общую конституцію, и тогда, не нарушая и не обходя закона, вы введете и Русскую рѣчь, и Русское большинство, и Русское могущество. Это движетъ и общественную силу и политическое воспитаніе народа.

Мнѣ и сказать (не замѣтить и сознать) трудно, какъ я падаю, падаю, падаю....

Кеппенъ умеръ, академикъ, Петръ Иван. собиратель, нашъ этнографъ-статистикъ, добросовѣстный и нельзя сказать, чтобы его не оцѣнили. Я познакомился съ нимъ въ Іюнь 1835 г., когда онъ жилъ на дачѣ въ Павловскѣ, у тестя своего Аделунга. Онъ былъ уже кривъ и худъ и старъ, какъ при отъѣздѣ въ Крымъ, въ послѣдній разъ. Помню, что за обѣдомъ онъ мечталъ, какъ о своемъ идеалѣ, быть начальникомъ *всѣхъ, всѣхъ* (повторялъ онъ) архивовъ настоящихъ и будущихъ (и будущихъ—повторялъ онъ). Аделунгъ слушалъ серьезно и отвѣчалъ на этотъ довольно странный идеалъ честолюбія. „Я удивляюсь, какъ тебя не сдѣлаютъ такимъ начальникомъ. Въмѣсто того, чтобы сожигать статистическую отчетность, замѣняя ее общими и весьма неточными министерскими отчетами, какъ это дѣлается во Франціи, чтобы не подвергнуть сомнѣнію достовѣрность ихъ повѣркою съ источниками или вмѣсто того, чтобы для храненія дѣлъ назначаютъ цѣлые города (какъ въ Испаніи), я бы сдѣлалъ себя градоначальникомъ всѣхъ старыхъ дѣлъ въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ городѣ, гдѣ мы живемъ, сложенныхъ; но съ тремя условіями“. Какъ, говорилъ Петръ Ивановичъ отвѣчать, чтобы не сгорѣли дѣла? Нѣтъ, возразилъ Аделунгъ, *primo*, чтобы всѣ дѣла сжигались; *secundo*, чтобы ты дѣлалъ изъ всѣхъ точное систематическое извлеченіе, и *tertio*, чтобы ты основалъ школу Кеппеновъ для дальнѣйшаго продолженія учрежденія. И, прибавилъ я, (обращаясь къ Кеппену), чтобы вы отвѣчали за всякую справку, необходимую изъ стараго дѣла. Отвѣтственность не важная: дѣла обязательно предаются уничтоженію, сказалъ мнѣ Кеппенъ, и это произвело взрывъ нашего хохота и намекомъ на Французскихъ и вообще на министровъ, сжигающихъ источники повѣрки и основанія отвѣтственности. Разговоръ зашелъ о другомъ.

Я встрѣчался съ Кеппеномъ довольно рѣдко. Въ 1844 г. мы нѣсколько времени ѣздили вмѣстѣ по Финляндіи. Раза три я присутствовалъ на его вечерахъ, гдѣ ораторствовали Ф. П. Лиске и Гессе. Онъ уговорилъ меня вступить въ Географическое Общество. При встрѣчахъ мы были добрые и давніе знакомые. Въ ревизіонной комисіи 1863 г. я выставилъ его заслуги по собранію матеріаловъ для Словаря Географическаго, отъ которыхъ, заявивъ печатно, очень безцеремонно отказывались г. Семеновъ и его сотрудники. Рѣдко можно встрѣтить такого добросовѣтнаго собирателя. Даль, но В. И. Даль не прочь къ матеріаламъ прикинуть и своего печенья.

Посреди нашихъ огромныхъ реформъ, огромныхъ гражданскихъ завоеваній, оглушенные ихъ шумомъ, мы едва замѣчаемъ событія, которыя въ другое время, при нормальномъ расположеніи умовъ, были предметомъ торжественныхъ празднествъ не только правительства, но и общества, корпорацій и даже семействъ. Я говорю объ окончаніи Кавказской войны, продолжавшейся болѣе 60 лѣтъ и стоившей Россіи несмѣтныхъ жертвъ народомъ и деньгами. Событіе это какъ-то принято и проходитъ незамѣтно. Въ Петербургѣ кто-то распорядился отпраздновать обѣднями въ лагерѣ, въ соборахъ и въ церквахъ; а въ Москвѣ и въ Россіи никакого торжественнаго празднованія нѣтъ, и Синодомъ никакого распоряженія не сдѣлано. Встрѣтили это событіе съ должнымъ почетомъ только газеты, и то немногія: „Инвалидъ“ и „День“. Общество, народъ и самые органы ихъ глухи и нѣмы. Окончаніе Кавказской войны важно не только потому, что, съ замиреніемъ прекраснаго и богатаго края, мѣстная жизнь ближе становится къ гражданственности, рѣдко уживающейся съ военнымъ положеніемъ. Бюджетъ государства долженъ сократиться. Имперія не будетъ отвлекать и тратить значительныя силы къ этой отдаленной окончности; положеніе Востока, Персіи и Азіатской Турціи, измѣняется рѣшительно и становится невольнo въ отношенія покровительства. Теперь систематически можно подуматъ, какъ о водвореніи въ краѣ, на началахъ автономіи, хорошаго гражданского управленія, такъ и о развитіи производительности южныхъ произведеній, продаваемыхъ намъ такъ дорого чрезъ Балтійскій портъ: маренѣ, хлопокъ, плоды, масло, шелкъ, ткани, и о распространеніи торговли съ сосѣдними государствами. Не знаю, кому изъ полководцевъ честь и слава, но несомнѣнно честь и слава Русскому солдату.

Боже мой, какъ я умаляюсь, уменьшаюсь, уничтожаюсь! Я это чувствую, ощущаю, вижу; болѣе—я это помню: смерть Саши. Помогите мнѣ, Господи!... Нѣтъ, Богъ тебѣ даль все, чтобы этого не было, и вопреки Его волѣ есть: такъ казись и раскаивайся.

Кавказская война кончилась, а наши журналы и газеты заняты теперь, какъ вы думаете, чѣмъ? Угрозами смежнымъ государствамъ и народамъ. Укрѣпленіе нашего владычества на Евксинѣ и Каспій, доскональное разрушеніе Азіи, всей Азіи! Послѣ возбужденія сепаратизма въ Финляндіи, Прибалтикѣ, Литвѣ, даже въ Малороссіи, это вторая заслуга нашей прессы. Указываютъ на третью, это—отпоръ вмѣшательства въ Польское дѣло. Да, это заслуга. Но здѣсь прессѣ помогли два три клуба, пятокъ-десятокъ ловкихъ губернаторовъ, съ легкой руки кн. Суворова и неистовства Польскаго подземнаго правительства, при совершенно пассивномъ положеніи класса крестьянъ. Помогли и энергическія дѣйствія генерала Муравьева. Да, все это такъ, а потомъ что? Потомъ что?

У меня обѣдалъ министръ, генераль-адъютантъ Зеленый. Я пригласилъ сенатора князя Одоевскаго, и мы порядочно потолковали о Петербургскихъ нарядахъ. Выходить, что наряду-то не имѣется никакого. А событія все расширяются, углубляются и ускоряются по крутизнѣ положенія. Мы еще въ эпохѣ уступокъ и дарованій. Скоро наступитъ эпоха уклоненій и переступленій. Какъ-то съ ними справятся? И справятся думаютъ съ нашими министрами! Да, мы привыкли къ безотвѣтности и безнаказанности.

У насъ въ деревнѣ пожаръ. Пожары вездѣ. Я вызываю семью. Что это такое?

Начало народной вольности ознаменовалось у насъ почти повсемѣстнымъ военнымъ положеніемъ, если не по объявленію, то на самомъ дѣлѣ. Военныя экзекуціи и схватки 1861 г. приготавливали къ тому исключительному положенію, при которомъ всѣ учрежденія порядка сводились къ двумъ властямъ: экстраординарной военной, которая судила и разстрѣливала по полемому уложенію, и экстраординарной мировой, которая судила и рѣшала по своему усмотрѣнію. Всѣ прочія власти, дисциплина, полиція и судъ опустились, ослабли и объявились несостоятельными. При поколебаніи земельной собственности почти всей Россіи поколебалось и ослабло самое понятіе о собственности. Съ ослабленіемъ учрежденій порядка естественно возбуждается опасеніе за личную безопасность. Къ этому присоединились три обстоятельства, вызванныя конечно ожидаемыми послѣдствіями свободы: Польское возстаніе, находящееся въ связи съ нимъ демагогическіе замыслы внутренніе и бездѣльничество дворни и рабочихъ, опьяненныхъ *дешевкою* и поощряемыхъ безнаказанностію, которую они чувствуютъ въ *отмѣнн* тѣлесныхъ наказаній. Польскіе ссыльные, пропагандисты внутренніе, и эти бездѣльники разливаютъ на всемъ пространствѣ Имперіи такую массу возгораемыхъ матеріаловъ, что внѣ столицъ имущества, села,

города горять, расхищаются, пропадаютъ, а личности ищутъ огражденій въ самоуправствѣ и уступчивости. Не будемъ говорить объ общихъ жалобахъ землевладѣльцевъ на неисполненіе работъ, на потравы и кражи; укажемъ на общія жалобы мастеровъ на работниковъ и господъ на слугъ. По улицамъ, на бульварахъ, на гульбищахъ ходить нельзя: такъ отвратительно пьянство, такъ назойлива дерзость, такъ стѣснительна самоувѣренная распущенность. Города горять. Общее убѣжденіе то, что поджигаютъ Поляки. Пожары принимаютъ колоссальные размѣры и сопровождаются страшными послѣдствіями: народъ хватается подозрительныхъ и разрываетъ на части или бросаетъ въ огонь. Грабители грабятъ. Толпа, найдя склады вина, напивается и тутъ же на пепелищѣ засыпаетъ. А все идетъ crescendo—и странно мое ослѣпленіе! Мнѣ кажется, во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ есть система, организація, подземные распорядители. Я могу ошибаться и желаю быть избалованнымъ въ ошибокѣ. Для изслѣдованія пожаровъ въ Казани и Симбирскѣ назначенъ генераль баронъ Врангель и—говорятъ—мой сотоварищъ, сенаторъ Ждановъ.

Вотъ пріѣхали и мои. Пожаръ сдѣлалъ большое впечатлѣніе на Митю. Онъ до сихъ поръ припоминаетъ малѣйшія подробности. Тата утѣшала его, увѣряя, что папа пріѣдетъ и построить все снова. Но никакой перемѣны въ нихъ я не нашелъ. Кажется, еще похудѣли. Гувернанткую (Eugénie Duvoir) я не доволенъ. Это какая-то Московская пансіонерка, суетная и недоученая. Мы всѣ успокоились.

Обѣдалъ у меня министръ юстиціи Дмитр. Никол. Замятинъ. Мнѣ хотѣлось поподробнѣе и откровеннѣе объясниться съ нимъ, и я объясился, просидѣвъ съ нимъ съ 5 до 9 часовъ, когда поѣхали вмѣстѣ на вечеръ къ Юрію Долгорукаго. Я далъ ему четыре записки о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ нынѣшнихъ порядкахъ Сената, и онъ, благодаря меня за мысль, выразилъ совершенное согласіе и готовность привести мои предположенія въ исполненіе. Предположенія эти касались: назначенія первоприсутствующихъ, доли участія сенаторовъ въ наблюденіи за ходомъ дѣлъ и изложеніемъ рѣшеній, отвѣтственности оберъ-прокурора и оберъ-секретаря при пересмотрѣ департаментскихъ рѣшеній въ общемъ собраніи, и сокращенія переписки и подписей, имъ же нѣсть числа. Несмотря на положительное обѣщаніе, я не вѣрю словамъ министра, ибо изъ тона и нѣкоторыхъ вставныхъ предложеній замѣтилъ и вполне увѣренъ, что на самостоятельность его рассчитывать нечего и что банда правовѣдовъ окружила его и дѣлаетъ чтò хочетъ.

Въ виду нашихъ утонченныхъ Европейскихъ преобразованій любопытно отдать отчетъ въ элементахъ, среди которыхъ онъ водворяются. Русскія явленія.

При общественных выборах въ Москвѣ по новому положенію *запирали всѣ двери* богатой городской думы (въ д. гр. Шереметева), чтобы члены не ушли и оставалось ихъ необходимое число, но (замѣчаетъ газета) члены все-таки находили возможность удалиться изъ собранія („Моск. Вѣд.“ № 181). Въ „С-пб. почтѣ“ № 21, оберъ-полицмейстеръ, опровергая 10 № „Совр. Слов.“ о обязательности платежа 25 р. пожарнымъ, удостовѣряетъ: убѣжденіе въ необходимости подобнаго платежа вкоренилось такъ сильно, что *многіе* домовладѣльцы, *въ случаѣ пожара*, приказываютъ запирать ворота и не впускать пожарную команду и проч. Въ „С.-П. Почтѣ“ № 24 описано какъ на выборахъ дворянъ, 23 Января 1863 г. при повѣркѣ ящиковъ во всѣхъ оказалось различное число шаровъ: въ иныхъ не доставало, въ другихъ были лишніе. У Н. Арсеньева насчитали 148, слѣд. не доставало 12; а въ другихъ лишніе: въ ящикѣ г. Каменскаго нашли 108 избирательныхъ шаровъ и 115 неизбирательныхъ изъ 160 т. е. 58 лишнихъ“. Дворянство потѣшается или тришируетъ? Въ „Моск. Вѣд.“ 3 Марта № 48. Г. Милюковъ описываетъ, что въ Малоархангельскѣ, Орлов. губер. по улицамъ отъ собакъ, быковъ и свиней житья нѣтъ. Приводитъ и случаи. Въ „Очеркахъ“ и въ „Москов. Вѣдом.“ 6 Марта № 50 описано событіе 13 Октября 1862 г. о побояхъ, причиненныхъ поручику Макаревичу, въ Бобриницкомъ уѣздѣ (Херс. губер.), когда онъ, по приглашенію сосѣда своего Вешнякова, пріѣхалъ къ нему въ домъ, гдѣ находилась цѣлая компанія: Василій Кедаповскій, Александръ Черба, Ник. Величковскій, Александръ Теренинъ и дьяконъ Богдановичъ. Я не помню, по уголовной моей практикѣ, такого варварскаго поступка, такой дикой перепойки, такого степнаго разбоя.

„Тобольск. Губерн. Вѣдомости“ пишутъ и „Московскія“ (19 Марта 1863 г.) повторяютъ, что въ Березовскомъ краѣ страшный голодъ и что, въ Декабрѣ прошлаго года, священникъ Лумпоковскаго прихода о. Воргунъ формально доносилъ, что въ одномъ его приходѣ 16 человекъ умерли съ голода. Въ 41 № „Москов. Вѣдом.“ рассказывается и въ 71 поясняется случай, какъ въ Тульск. губерніи крестьяне согласились, за условленную сумму, обмѣняться женами, и обмѣнялись.

Въ журналѣ Донскаго войск. присутствія 15 Ноября 1862 г. описано, какъ мировой посредникъ Егоровъ, при введеніи уставной грамоты, когда крестьяне не соглашались ни на какія условія изъ упорства, вынужденъ былъ наказать чрезъ казаковъ 15 человекъ, въ томъ числѣ и женщину.

„День“ 20 Апрѣля 1863, № 16, описываетъ „что при открытіи общей думы въ Москвѣ случилась небольшая непріятность, украдены чаша, назначенная для водосвятія и сукно со стола; сняты, но не

украдены часы; по слухамъ оборвана драпировка и сдѣланы неприличности неудобныя для печати“. „Моск. Вѣдом.“ 23 Апрѣля 1863 г. № 86“: Стоило иному иностранному наблюдателю немного прислушаться къ тому что серьезно говорилось въ Петербургѣ, присмотрѣться къ тому что тамъ дѣлалось вокругъ, чтобы вынести полное убѣжденіе въ совершенномъ разложеніи нашего общественнаго организма“. „Москов. Вѣдомости“, 19 Декабр. 1869 г.: „Едва ли гдѣ публичная нравственность и стыдливость охраняютъ менѣе чѣмъ въ Москвѣ“.

Крики: „Край Русскій, Русскій“, „усилить, развить Русскій элементъ, поднять, возвысить духовенство православное“, и т. п. раздаются безпрестанно и громко. Газеты, пользуясь свободой, пишутъ гимны Русскому элементу, праздно задѣваютъ иноплеменные народности, другія исповѣданія и вызываютъ сепаратизмъ и во всякомъ случаѣ антагонизмъ и междуусобицу. Особенно туть отличаются „Московскія Вѣдомости“ Каткова, „День“ Аксакова и „Голосъ“ Краевского. Другой антагонизмъ—другая заслуга нашей печати—это раздраженіе сословій и постепенное низведеніе говора и споровъ въ нижніе слои, въ народъ, гдѣ мѣстные пропагандисты готовятъ почву, на которой могли бы выразиться желанныя притязанія демократіи, хоть по поводу предстоящихъ земскихъ собраній. Здѣсь служатъ службу почти все наши газеты и журналы, но преимущественно „День“ Аксакова и „С.-петербургскія Вѣдомости“ Корша. Имъ помогаетъ и „Вѣсть“, но, давая пищу, обноситъ помѣщиковъ, интересы которыхъ она исключительно защищаетъ. Еще пунктъ, на которомъ сходятся все (все демократическія) газеты и даже помѣщичья „Вѣсть“, это отзывы о Наполеонѣ III. Они до того односторонни и безцеремонны, можно сказать неприличны, что едвали могутъ сравнимы, въ этомъ отношеніи, съ Англійскими. А между тѣмъ, Боже мой! Въ какомъ положеніи наши учрежденія? Въ какомъ положеніи наша учебная часть? Въ какомъ положеніи дѣтства наше общественное мнѣніе и въ какомъ упадкѣ наше хозяйство, наши финансы? Ну какая Польская, Нѣмецкая или Шведская интеллигенція подчиняется такому господствующему элементу, имѣя свои гораздо лучше? вмѣсто того, чтобы кричать и только кричать, надобно бы учиться и учиться, догонять и стать самостоятельно и твердо.

Что значить конвенція 15 Сентября? Примиреніе панства съ Италіей? Война Италіи съ Австріей? Путаница, для которой нуженъ конгрессъ? Нѣтъ. Это новая уступка демократіи.

Высокое призваніе, которое одушевляетъ Гизо во всѣхъ его дѣяніяхъ и сочиненіяхъ, и настоящее положеніе христіанской вѣры, знаменующееся индифферетизмомъ въ латинствѣ и отрицаніемъ въ протестантизмѣ, вызвали на свѣтъ новое сомнѣніе маститаго профессора-оратора:

Méditations sur l'essence de la religion chretienne. Скромное названіе оправдываетъ скромность содержанія, состоящаго изъ общихъ разсужденій, примѣненія текстовъ и выписокъ изъ другихъ, всегда прекрасно сказанныхъ, но ничего новаго не прибавляющихъ для убѣжденія невѣрующихъ и укрѣпленія слабаго вѣрованія. Отъ книги вѣсть высокимъ гуманнымъ, но человѣческимъ духомъ. Нѣкоторыя выраженія намекаютъ на неглубокое убѣжденіе самаго Гизо. Во всякомъ случаѣ предлагаемое имъ соединеніе всѣхъ исповѣданій для сравненія напирющаго отрицанія неисполнимо, а указываемые имъ, какъ путь спасенія, ортодоксы-протестанты и либералы-католики, если бы и соединились, привели бы народы къ безвѣрію; ибо и тѣ и другіе опираются на науку, а наука-то и губить теплую вѣру. Вышла только первая часть „Размышленій“; подождемъ остальные три. Гизо не изобрѣтателенъ. Онъ прекрасно выводитъ, группируетъ и описываетъ фактъ. Здѣсь требовалось другаго дара, и старикъ очевидно старъ для новаго поприща теолога.

Государь ѣдетъ въ Ниццу, гдѣ болящая Императрица проводитъ зиму. Легче было бы, если бы зима проведена была въ Испаніи или Италіи. Не любовь къ Наполеону въ Россіи общая. Мы всѣ и Европа знаемъ, что прошлогодній дипломатическій напоръ имѣлъ во главѣ Наполеона. Онъ публично выразилъ въ тронной рѣчи, что Россія попираетъ трактаты. Лучше умереть, чѣмъ искать спасенія и убѣжища у такого врага. Это имѣетъ видъ, что Россія заискиваетъ въ могущественномъ властелинѣ; это даетъ убѣжденіе, что дипломатическая война кончена послѣ секретнаго обязательства дать Польшѣ конституцію. Вообще мы неохотно читаемъ извѣстія о поѣздкѣ нашихъ государей за границу и описанія о пребываніи ихъ тамъ. Наши князья и княгини безпрестанно въ вояжахъ, точно имъ непріятно дома. Къ намъ пріѣдетъ какой нибудь принчикъ, и то на нѣсколько дней, и то по случаю охоты или коронаціи или сватьбы. Государь возвращается съ великимъ княземъ Константиномъ. Последняя вѣсть горше первой.

На моихъ глазахъ Европейское общество, а потому и Русское, получили довольно рѣзкія направленія, вслѣдствіе событій, выразившихъ реакцію направленіямъ предшествовавшимъ. Событія эти были: переворотъ 1830 г., вызвавшійся реакціею направленію династическому, легитимизму и водворившій исканіе популярности сближеніемъ съ буржуазіей и свободою трибуны и кафедръ съ высшими представителями націи. Второе: перевороты 1848 г., вызванные злоупотребленіемъ свободы, популярности и парламентаризма, которые привели къ диктаторству, къ просвѣщенному деспотизму. Франція идетъ впереди, за нею идутъ другія державы, и въ концѣ ихъ мы. Императоръ Николай шель въ разрѣзъ съ революціей и не хотѣлъ знать ея вліяній. Только не

стало его, начались и у насъ либеральничанья, исканіе популярности и свобода учений и преній. Трилогія Уварова (самодержавіе, православіе и народность) забыта и замѣнена конституціей, вѣротерпимостію и исключительнымъ Русскимъ направленіемъ. Первый шагъ того религіознаго направленія была свобода крѣпостнаго населенія. Власть совершенно обезсилѣла въ виду 25 м. освобожденныхъ и непривыкшихъ къ самоуправленію массъ. Всѣ орудія власти остановились, нужно было создать дискреціонную власть генераловъ и мировыхъ посредниковъ. Къ довершенію зла, въ это же время понижены проценты и удешевлена водка. Пониженіе процентовъ устремило капиталы на разныя предпріятія, бросившія въ народъ большіе заработки. Пьянство усилилось чрезвычайно. Пьютъ молодые дѣвки, пьютъ дѣти. Къ этому подоспѣла отмѣна тѣлесныхъ наказаній, безъ которыхъ полиція не знаетъ, что дѣлать съ нарушителями порядка, которые, прежде сжатые въ ежевыхъ рукавицахъ, теперь, пьяные, расходились такъ, что другимъ и ходить нельзя. На недостатокъ прислуги, на недостатокъ мастеровыхъ и рабочихъ общій плачь. Пропаганда пришла къ намъ двумя путями: путемъ науки и путемъ Польши. Они соединились вмѣстѣ и основали школу либераловъ, состоящую изъ нигилистовъ и нигилистокъ, шахматнаго клуба, студентскихъ сходовъ и вообще молодой Россіи. Сжатые мѣрами строгости, они открыто вызываютъ революцію прокламаціями и пожаами. Какой исходъ возметъ это хаотическое состояніе, раздуваемое непрестанными реформами, Польскими эмиссарами и вызывающими газетами? Я думаю, что власть отрезвится и сдержитъ потокъ уновленій. Для водворенія и усвоенія ихъ нуженъ порядокъ, спокойствіе и постепенность.

Брошюра Шедо-Феротти еще волнуетъ наше общество. Совѣтъ университета, возвращая присланные экземпляры, выразилъ, что книга эта (*Que fera-t-on de la Pologne*) написана перомъ, враждебнымъ Россіи, а „Моск. Вѣдомости“ огласили этотъ отзывъ. Графъ С. Г. Строгановъ, путешествующій съ Цесаревичемъ, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, выразилъ въ письмѣ къ проф. Бодянскому сочувствіе этому отзыву и просилъ передать это членамъ Совѣта. Тоже заявилъ Пензенскій губернский предводитель отъ имени всего дворянства. Теперь затѣваютъ въ Англійскомъ клубѣ дать членамъ Совѣта обѣдъ, и вѣрно состоится. Должно замѣтить, что здѣсь бьютъ не по коню, а по оглоблямъ. Хотятъ донять не Шедо-Феротти, и даже не Головнина, котораго не любятъ, правда, и предательское дѣйствіе котораго „Моск. Вѣдомости“ выставили такъ рельефно, Москва хочетъ донять Великаго Князя Константина, двигателя крестьянскаго дѣла и ненавидимаго дворянствомъ. Въ книгѣ барона Фиркса оправдывается система, которой держался въ Польшѣ

Великій Князь до начала 1863 г. Москва хочеть этимъ заявить и неудовольствіе свое духу сепаратизма, теперь особенно пробудившемуся по случаю реформъ и свободы цензуры. Въ Польшѣ намъ много общаго и сродственнаго. Здѣсь антипатіи болѣе историческія, сглаживаемыя событіями. Прибалтійскій край „въ лѣсъ смотреть“, потому что онъ волкъ, другое племя, другой языкъ и другая вѣра. Здѣсь сліяніе невозможно безъ исчезновенія полнаго. Въ Польшѣ сліяніе возможно при взаимномъ общеніи, при обоюдныхъ уступкахъ. Прибалтійцы считаютъ себя и край принадлежавшими Римскому императору, а теперь Германіи. Въ XVI ст., когда Иванъ Грозный опустошалъ этотъ край, Ливонскій орденъ и города обратились къ императору. Фердинандъ или Максимилианъ присылалъ посла убѣдить царя, что это край имперскій, и Ливонія только по безсилію имперіи распалась и отдалась Швеціи и Польшѣ. Высшая Нѣмецкая культура самый злой врагъ нашъ. Она онѣмечить всю Чухландію, которая уже усвоила себѣ и вѣру и почти языкъ (азбуку). Русская пропаганда тамъ чрезвычайно слаба, и надобно просить воззваніе Рижскаго преосвященнаго, чтобы удостовѣриться, въ какомъ положеніи тамъ главный элементъ нашъ—православіе. Въ столкновеніи съ западною цивилизаціей мы должны уступать. Въ насъ нѣтъ устойчивости. Мы всесторонне и непрерывно преобразовывались. Совершивъ, не остановимся-ли теперь?

Въ городѣ, университетѣ, въ клубахъ и въ журналахъ большіе толки все о Шедо-Феротти: que fera-t-on de la Pologne. С. П. Шиповъ и Н. В. Сушковъ, Щебальскій, Менде, Араповъ агитируютъ и готовятъ Каткову адресъ, письма, манифестацію. Они уговаривали меня подписаться, предоставляя измѣнить редакцію, и я на отрѣзъ отказался, не желая ни быть членомъ партіи вообще, а Катковской (исключительность Русская) въ особенности, ни тащить журнальныя пренія и частныя манифестаціи въ толпу, въ народъ, на площадь. Катковъ заходитъ такъ далеко, желая величія и твердости Россіи, что перепутались всѣ окраины, порусски неговорящія; онъ такъ льститъ народному самолюбію и даетъ такую увѣренность въ политической зрѣлости общества, что за нимъ побѣжить и готовъ кричать весь читающій и пишущій людъ Россійскій; онъ такъ безцеремонно обноситъ Петербургскихъ администраторовъ, всю и всякую Петербургскую среду, что въ Европѣ вмѣсто „Петербургскій кабинетъ“ будутъ называть „Московитское правительство“. Шедо-Феротти выступилъ противъ этого направленія, и брошюра его мастерски выставляетъ исключительность, тѣсную, довольно грубую и всегда заносчивую Московскаго публициста. Онъ прижалъ его къ стѣнѣ, и я понимаю агитацію Каткова. Вмѣсто агитаціи г. Каткову лучше бы было обдуматься и удостовѣриться, что то, что онъ говоритъ

правительства дѣлають не разглашая, и дѣлая, разглашаютъ то, что въ сложныхъ организамахъ представляетъ терпимость, своевременность и законность. Г. Каткову лучше бы открыть публичные курсы и продвинуть нашу интеллигенцію, которая едва справляется съ Азіатскими племенами и всегда уступаетъ Западнымъ. „Русскія“ въ Польшѣ провинціи, возвращенныя отъ нея, доселѣ называются въ Россіи „Польскими“. Смоленскъ недолго былъ въ Польскихъ рукахъ, давно въ нашихъ, а все таки вліяніе Польское тамъ доселѣ не изгладилось.

Польшѣ дадутъ самостоятельность, я заключаю это изъ поѣздки въ Ниццу, изъ свиданія съ Наполеономъ, послѣ всѣхъ выходовъ принца Наполеона и самого императора при открытіи прошлагодной сессіи. Но дадутъ тогда, когда хорошо пойдутъ наши земскія учрежденія; готовящія намъ общее представительство земства. А учрежденія эти приняты съ такимъ равнодушіемъ, порицаются такъ открыто и вообще общають такъ сомнительно, что политическая зрѣлость наша далеко не истина.

Земскія учрежденія наши (1 Января 1864 г.) идутъ плохо, и я находилъ и нахожу, что этотъ институтъ взялъ основанія слишкомъ одностороннія, механическія, демократическія, и при томъ вызванъ къ жизни не въ время. За расходы бояться, кажется, нечего. Дворянство обѣдствуетъ, а прочія сословія всегда скупы на добровольныя обложенія. Я опасаюсь, что собраніямъ—если они состоятся—обстоятельства придадутъ значеніе политическое, и они придумаютъ разныя затрудненія правительству и поставятъ его въ необходимость распускать ихъ и удерживать старый порядокъ. Главнѣйшая обязанность, раскладка податей, можетъ привести даже къ открытой борьбѣ, и можетъ явиться такое смѣлое собраніе, которое откажется отъ раскладки, объявивъ цифру несоизмѣрною съ средствами губерніи или уѣзда.

Изъ трехъ способовъ состава законъ остановился на *выборномъ* по количеству и цѣнности земель. Нѣтъ ни постоянныхъ членовъ по имуществу или по значенію, ни правительственныхъ по опредѣленію (кромѣ удѣла и казны). Должно ожидать, что большинство выберетъ отставныхъ чиновниковъ.

Самоуправленіе вещь прекрасная, но оно требуетъ денегъ, знанія дѣла и общественнаго мнѣнія. У насъ этого нѣтъ даже въ столицахъ. Деньги есть, да и то бумажныя, только въ Петербургѣ*). Любопытно посмотрѣть на наше дворянство, какъ оно заораторствуетъ. Конечно не такъ, какъ въ комитетахъ 1858 г. Обѣднявшіе и голодные они закри-

*) Впрочемъ это самоуправленіе совершенно зависитъ отъ губернатора, министра внутреннихъ дѣлъ и Сената (несамоуправляющагося?)

чать другимъ тономъ, и въ протоколъ надобно будетъ заносить не одинъ манифестаціи.

Все это время, съ Августа, я очень доволенъ моими крошками и Митей, и Татой. Они здоровы, прилежны, много читають, добры и благородны. Начинаетъ одолѣвать пытливость, особенно у Мити. Ему плохо дается математика, но очень занимають вопросы о чудесахъ и Божьемъ промыслѣ, а также: какъ рождаются дѣти и отъ чего узнають, что тотъ мальчикъ, а та дѣвочка. На дняхъ, гуляя со мною по бульварамъ, онъ съ какою-то досадою говорилъ, что никто этого не знаетъ и ни въ журналахъ (которыхъ они получаютъ два) и ни въ какой книгѣ (у него ихъ 56) объ этомъ ничего не сказано. Прекрасныя существа! Какъ озабочиваетъ ихъ будущность при видѣ этого ничтожнаго молодого поколѣнія, тщеславящагося какимъ-то нигилизмомъ.

Съ приведеніемъ въ дѣйствіе судебной реформы и цензурнаго устава мы, кажется, подвинемся къ Западу, и намъ не въ чемъ позавидовать Европѣ. Конституціи? Она придетъ. Государь готовъ все дать. Она придетъ, и при томъ ранѣе, нежели думаютъ и попросятъ. Нѣтъ. Есть еще чего пожелать. Во первыхъ, климата, т. е. большаго времени работы; во вторыхъ сокращенія пространства, т. е. увеличенія времени работы: въ третьихъ, монетной единицы, т. е. болѣе производительной работы. Если принять въ соображеніе всю сумму вліяній на жизнь этихъ трехъ факторовъ (атмосферы, земли и труда) вліяній повсюдныхъ, всеобъемлющихъ и всегдашнихъ, то едвали не придется намъ отказаться когда нибудь выравняться съ Европейцами. А тутъ еще два обстоятельства: намъ надобно *догонять*, ибо мы очень отстали, и догонять съ малыми средствами, ибо главныхъ двигателей, капиталовъ, у насъ нѣтъ. Какое же можетъ быть у насъ Европейское устройство при такихъ условіяхъ? Бадень, Сардинія и самая Франція, къ которымъ преимущественно обращаются наши реформаторы, совершенно въ другихъ условіяхъ. Неужели Петръ Великій не заводилъ у насъ Европейскіе порядки, а чѣмъ они сдѣлались, водворенные въ Россіи?

Должно сознаться, въ настоящее время мы преуспѣваемъ скоро, гораздо быстрѣе, нежели прежде; но это происходитъ на счетъ будущаго. Усиленный ходъ и въ государствѣ, какъ въ членахъ и мускулахъ человѣка, отзывается со временемъ усталостію, изнуреніемъ, обезсиліемъ. Какъ мы живемъ долгами и на уплату металлическихъ процентовъ не имѣемъ собственныхъ средствъ, такъ и въ гражданскихъ преобразованіяхъ мы преуспѣваемъ на счетъ будущихъ поколѣній. Мы создали и создаемъ многое, безпрестанно создаемъ и безпрестанно пересоздаемъ, но хорошо-ли, прочно-ли, благотворно-ли? Я помню и

зналъ Пруссію въ 1842 году безъ всякихъ парламентскихъ учрежденій. Она была въ превосходномъ состояніи. Правительство было просвѣщенное, сильное и почетное. Король имѣлъ полное право сказать объ юстиціи: „so rein wie nie“. Ну что бы намъ также себя поставить? Нѣтъ, мы гонимся за либеральными учрежденіями и, не подозрѣвая того, что они подмываютъ власть, единственный цементъ нашъ, и въ окончательныхъ послѣдствіяхъ ведутъ къ сепаратизму, т. е. къ раздробленію.

Агитаціи Каткова продолжаются. Проекты писемъ на его имя и приглашеніе Совѣта университета на обѣдъ ходятъ въ клубъ и подписываются желающими. Слова его статьи 9 Февраля, особенно возмущившія Фиркса, говорятъ: „Отнимемъ же у нашихъ враговъ такое сильное орудіе (католицизмъ въ соединеніи съ элементомъ Польщизны), и несбыточныя мечты незначительнаго Польскаго населенія западнаго края рушатся сами собою. Пусть католики, протестанты и самые Евреи обучаются каждый своему закону по-русски, пусть въ ихъ храмахъ раздастся слово проповѣдника по-русски; пусть все они молятся по Русскимъ молитвенникамъ, и они перестанутъ чувствовать себя Поляками, и проч. Сторонники Каткова утверждаютъ, что въ его словахъ нѣтъ ничего повелительнаго и обязательнаго, основываясь на словѣ „пустъ“, и что это есть только приглашеніе, совѣтъ, какъ имъ выйти изъ безвыходнаго положенія. Это несправедливо. Такое приглашеніе имъ дѣлается едва ли уже не сто лѣтъ. Они ему слѣдуютъ. Нѣтъ, публицистъ Московскій говоритъ: „отнимемъ же у нашихъ враговъ такое сильное орудіе“, сдѣлаемъ ихъ Русскими. Здѣсь принужденіе, обязательность. Какъ публицистъ отъ католицизма (полонизма) перешелъ къ протестантамъ и Жидамъ, объяснить можно уравненіемъ народностей.

Изъ Петербурга, съ возвращеніемъ Государя и Великаго Князя Константина, ожидаютъ къ новому году или 19 Февраля много новостей и новыхъ установленій. Добрыхъ ожидать трудно. Все дѣлается такъ скоро, небрежно и на живую нитку, все такъ плохо вяжется съ прочими порядками и дѣйствительною средою, что заранѣе можно сказать: „непремѣнно напутаютъ“. Въ 1846 г. я предлагалъ графу Панину отмѣнить законъ о предоставленіи дѣлъ уголовныхъ начальнику губерніи. Въ 1863 г. послѣдовала эта отмѣна по дѣламъ, слѣдующимъ въ Сенатъ на ревизію. И что же? Забыли, что въ рѣшеніяхъ этихъ всегда есть апелляціонныя части, подлежащія утвержденію губернатора, и мы должны или возвращать дѣла для утвержденія и объявленія на правѣ отзыва, не разсматривая ревизіонной части, или, разсмотрѣвъ свое дѣло, ревизіонное, отсылать остальные части для утвержденія губернаторскаго и

для объявленія на правѣ отзыва, и тогда дѣло, или по несогласію губернатора или по отзыву, *опять* приходитъ въ Сенатъ. Путаница на путаницѣ, а все отъ непрактичности законодателей.

Эти дни былъ у меня два раза генераль Шиповъ, чтобы посовѣтываться о лучшемъ способѣ оглашенія записки его (новой) по Польскому вопросу. Она написана противъ Шедо-Феротти и довольно неумѣренно. Сколько я могу догадываться, все это агитация Каткова, которому нужны всѣ орудія и пригодны всякія орудія, лишь бы какъ нибудь выпутаться (замаскироваться) изъ положенія, указаннаго ему книгою Шедо-Феротти не совсѣмъ великодушно и съ порядочною долею злорадства. Съ легкой руки псевдо-русскаго публициста, теперь иностранныя газеты, и органы весьма серьезные, разрабатываютъ вопросъ о Русской партіи и ея тенденціяхъ. Не думаю, чтобы Государь, правительство и покровители „Московскихъ Вѣдомостей“ были довольны сложившимся убѣжденіемъ подъ вліяніемъ обличеній, основанныхъ на точныхъ выпискахъ Русскихъ новыхъ патріотовъ. Если они не далеко зашли, то они несомнѣнно зарпортовались. Шиповъ хотѣлъ послать записку Государю, при письмѣ къ шефу жандармовъ. Я отсовѣтовалъ. Я убѣдилъ выкинуть всѣ рѣзкости, вызванныя духомъ партіи, а послать записку, довольно невинную—можно.

Съ одной стороны публицистика сильно одолѣваетъ и существующія учрежденія и дѣйствующія лица, одолѣваетъ до неприличія. Она законъ считаетъ какимъ-то проэктомъ и не только критикуетъ его по обнаруженію, какъ напр. земскія учрежденія, но дѣлаетъ даже предметомъ публичныхъ преній, какъ напр. г. Лохвицкій въ своей диссертации: „Губернія“; а при порицаніи управленія, она современно забываетъ, что здѣсь есть своя іерархія отвѣтственности, до подрыва всякаго довѣрія и уваженія къ закону и его исполнителямъ. Съ другой стороны и явленія въ нижнихъ слояхъ народа не менѣ знаменательны: своеволие, безотвѣтственность, грубость, пьянство и преступленія усилились и усиливаются замѣтно простому глазу. О столицахъ я могу судить самъ, видя каждый день по этимъ улицамъ пьяныхъ, дерущихся и толкающихся мастеровыхъ и рабочихъ. О провинціи, не говоря о разсказахъ, можно имѣть понятіе по страшному употребленію вина и страшнымъ грабежамъ и пожарамъ, вызвавшимъ почти повсемѣстно полевое уложеніе съ разстрѣляніями и съ виселицами.

Единственная уцѣлѣвшая власть въ провинціи, это—мировые посредники. Оставляя въ сторонѣ Калужскую губернію, гдѣ посредники, подъ вліяніемъ губернатора Арцимовича, систематически раззорили не одного помѣщика, достаточно прочесть отвѣтъ Екатеринбургскаго исправ-

ника на обличительныя статьи въ сегодняшнемъ № „Дня“, который только скрѣпя сердце и по требованію цензурныхъ правилъ, напечаталъ этотъ протестъ полиціи противъ анархическаго направленія нашихъ мировыхъ учрежденій.

Прочелъ я 13 и 14 ч. „Исторіи Россіи“ Соловьева. Много интереснаго, хотя послѣ Устрялова трудно найти что нибудь новаго. Во всякомъ случаѣ Соловьевъ ученѣе и выше Устрялова, и потому нѣкоторыя страницы его книги, какъ развитіе воззрѣнія или системы, обрисовываютъ явленія и учрежденія эпохи замѣчательно и глубокомысленно. Но какъ Устряловъ и особенно Соловьевъ носятъ на себѣ печать нашего времени, нашего въ высшей степени смутнаго времени! Въ каждой строкѣ изложенія видишь недоработку, недоконченность и потомъ небрежную поспѣшность и безпрестанныя замашки на оригинальность. Очевидно, ни наука, ни языкъ не остановились, не установились и бродятъ по событіямъ, вводя для оригинальности любопытные эпизоды со всѣми ихъ мелочами, переступая годъ и, повторяя сказанное, бродитъ и языкъ то въ современныхъ неологизмахъ, то цѣликомъ въ старыхъ столбцахъ со всѣми ихъ затѣйливыми витіеватостями и грубыми оборотами рѣчи. Нѣтъ строгаго достоинства въ наукѣ, нѣтъ и чистоты языка. Соловьевъ однимъ глазомъ смотритъ на Славянофиловъ, ратующихъ за описываемую эпоху, рѣшительно несостоятельную, а другимъ—на тѣхъ борзописцевъ, которые односторонне выставляютъ только нужныя имъ явленія, съ точки зрѣнія порицанія или осмѣянія. Это исторія!

Я хочу заварить небольшую кашу. По случаю перебранокъ Каткова и Леонтьева съ 9 гласными Думы, послѣдніе въ *напечатанномъ* отвѣтѣ неуважительно выразились объ Управѣ Благочинія, какъ о мѣстѣ, пользующемся самою неблаговидною извѣстностію *). Говорить такъ объ учрежденіи дѣйствующемъ, объ органѣ правительства я допустить не могу и желаю указать министру Валуеву, что подобныя печатныя отзывы могли быть допущены только поблажкою цензуры и незнаніемъ Европейскихъ порядковъ, въ которыхъ правительство и его органы никогда не могутъ быть предметомъ газетныхъ перебранокъ. Я увѣренъ, что каша моя возстановитъ моихъ мирныхъ товарищей, а мнѣ очень бы хотѣлось не идти одному въ общее собраніе. Но, если не соглашу съ собою никого, пойду и одинъ.

Прочелъ я записки Ермолова съ 1801 по 1812, изданныя въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“ и Записки 1812 г., изданныя кн. Долгору-

*) Определеніе состоялось и послано было къ Мин. Вн. Дѣлъ, который его написалъ и донесъ, что вмѣстѣ съ симъ сдѣлано подтвержденіе Цензурному Комитету о точномъ исполненіи правилъ 1862 г. Но не потерпѣли-ли отъ этого пресса? 24 Янв. 1865 г.

ковымъ въ Лондонѣ. Человѣкъ тутъ еще не весь, но изъ этого можно судить о всемъ человѣкѣ. Я же зналъ его лично; онъ провелъ двое сутокъ у насъ въ деревнѣ, я бесѣдовалъ съ нимъ много. И физическія, и умственные силы его были колоссальны, но ему не доставало убѣжденій и правилъ поведенія, которыя незамѣнимы ни характеромъ (впрочемъ довольно своеобразнымъ и упрямымъ), ни желѣзною волею, ознаменованною преимущественно на Кавказѣ. Ему не доставало высшаго просвѣщенія, хотя онъ щеголяетъ Латинскими цитатами. Ему не доставало и теплой вѣры. За этими недостатками, всѣ лучшія его качества дѣлаются чѣмъ-то страдательнымъ, отрицательнымъ, даже мелочнымъ, такъ что съ самыхъ первыхъ страницъ до послѣднихъ только и слышишь ропоть, жалобы, зависть, колкости и насмѣшки. Нѣмцы—его главная тема. Неумѣнье цѣнить заслуги и способности его—вторая тема. Плохія ему награды—третья. Въ Латинскихъ, до рабства подражательныхъ оборотахъ рѣчи, Ермоловъ преплохой военный писатель. Ни при Аустерлицѣ, ни при Эйлау, ни даже при Бородинѣ не услѣдишь ни общаго плана, ни развитія дѣйствій битвы, ни нравственного ихъ вліянія. Можетъ быть, въ Персіи и на Кавказѣ могущественный сардаръ не измельчается выходками зависти и интриги и станетъ выше мелочей окружающей дѣйствительности (но и тамъ вѣрно есть Петербургъ), но здѣсь отсутствіе существенныхъ элементовъ воспитанія выставляетъ знаменитаго человѣка въ свѣтѣ невыгодномъ, и тотъ очень ошибется въ своихъ ожиданіяхъ, кто вознамѣрится въ этихъ Запискахъ найти славнаго Ермолова, популярнаго Московскаго богатыря на покоѣ. Просто грустно: на что тратится человѣкъ!

Общій говоръ въ Москвѣ передаетъ слухъ изъ Петербурга о назначеніи министромъ финансовъ бывшаго сослуживца моего, статскаго секретаря Заблоцкаго-Десятовскаго. Толку тутъ никакого быть не можетъ. Какой онъ финансистъ? Онъ журналистъ, статистикъ, ученый, но не министръ и особенно финансовъ и финансовъ въ Россіи и въ настоящее время, когда вексельный курсъ упалъ до 311 сантимовъ за рубль и когда попытка на новый заемъ не удалась и при усиліяхъ Штиглица. Это паденіе курса насъ ѣсть и заѣсть, а помощи отъ Заблоцкихъ не дождешься. Эти теоретики, эти либръ-ешанжисты ослабляютъ внутреннюю производительность еще болѣе и равновѣсіе бюджета будутъ поддерживать усиленіемъ сбыта акцизныхъ питей, табаку и сахару и выпускомъ безпроцентныхъ бумажекъ, если занять нельзя. Мы страдаемъ слабою производительностію и, если противъ этого говорятъ низкія цѣны на хлѣбъ, то объясняется это безденежемъ, на которое жалобы отовсюду. Назначеніе Заблоцкаго (Луи-Бланъ по Шереметеву, газетчикъ по Му-

равьеву) произведетъ говоръ и ропотъ въ кружкахъ Московскаго общества. Выборъ припишутъ Великому Князю Константину, котораго въ Москвѣ весьма не жалуютъ.

Секуляризація католическаго монашества въ Царствѣ Польскомъ принята, какъ и слѣдовало ожидать, въ Московскихъ кружкахъ съ радостію, какъ первый шагъ къ уравнию Царства съ западными губерніями и къ возстановленію тамъ Славянскихъ порядковъ, вытѣсняемыхъ съ давнихъ временъ пришельцами съ Запада и вліяніемъ папизма. Цесаревичъ Наслѣдникъ въ Римъ не поѣдетъ; тамъ точатъ и ядѡвать стрѣлы въ Ватиканѣ, откуда должны раздаться стоны воплей и грома порицаній и охуленій. Другія государства, уже исполнившія эту мѣру, имѣютъ право порицать развѣ радикальное измѣненіе *statu quo*, не болѣе. Но порицать тутъ нечего. Монастыри сдѣлались притонами революціонеровъ и сами участвовали въ возстаніи, которое безъ ихъ содѣйствія не могло бы принять такіе размѣры, ни длиться такъ долго и упорно. Но я не согласенъ съ Московскими кружками въ томъ, что это есть шагъ къ уравнию. Уравнять ихъ невозможно. Польша всегда удержитъ свою особность, и только высшая, лучшая цивилизація у насъ, въ нашемъ обществѣ, наше умственное и гражданское превосходство подчинитъ *de facto* Польшу Россіи. А это превосходство достигается не легко и не тѣми путями, которыми идемъ мы, не имѣя хорошей системы просвѣщенія, не имѣя порядочныхъ учреждений, не умѣя порядочно совершать преобразованія, умѣя только кричать во всю дорогу: „Я Русскій! Этотъ край Русскій, Русскій, Русскій!“ Природа обидѣла насъ и климатомъ, и произведеніями. Самое изобиліе земель, безъ соотвѣтственнаго населенія, служить какъ бы препятствіемъ развитію труда и установленію правильнаго хозяйства. Мы надѣемся на преобразованія, но изъ всѣхъ этихъ преобразованій я надежду полагаю на два: гласный судъ и неограниченную гласность. Они должны ввести какой нибудь порядокъ въ частную жизнь, въ общество. Но это совершается не легко, и элементы эти, всегда и вездѣ могущественные, могутъ уродливо выразиться въ средѣ, мало воспитанной для воспріятія убѣжденій, правилъ, привычекъ, почти чуждыхъ, противоположныхъ природѣ вещей, всему прошедшему, всему настоящему нашего общества. Я боюсь, что гласность приметъ у насъ направленіе одуряющее, коммунистическое и нигилистическое и пойдетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ. На самоуправленіе я не полагаю никакой надежды.

А вотъ и указъ 20 Ноября. Судебная реформа совершилась! Если земскія учрежденія установятся, если устроятся суды скорые и правые,

то успѣхи наши въ гражданственности по истинѣ будутъ изумительны. Изумительны въ особенности потому, что достигнутся скоро и безъ усилий; изумительны и потому, что въ центрѣ Имперіи, въ господствующемъ племени новыя учрежденія установятъ порядки, какихъ нѣтъ ни въ Польшѣ, ни въ Прибалтійскомъ краѣ, ни въ Финляндіи, и въ которыхъ мы получимъ пунктъ тяготѣнія, долженствующій привлечь, привязать къ намъ эти чуждающія насъ окраины государства. Слова мои почти имѣютъ смыслъ гиперболы, насмѣшки, но я—и сомнѣваясь въ такихъ успѣхахъ и послѣдствіяхъ ихъ—долженъ отдать полную справедливость, что вполне раздѣляю Петербургское возрѣніе о необходимости и условіяхъ коренныхъ измѣненій всѣхъ нашихъ учреждений. Все шло такъ вяло, такъ дурно, такъ произвольно и грубо, что только скорая и большая нажива могла привлекать въ среду напу и западныхъ, и Русскихъ иностранцевъ. Теперь все должно пойти иначе. Остается убѣдиться, что новыя учрежденія водворятся и усвоятся въ жизни и найдутъ, по воззванію Царя, всѣ необходимые для ихъ дѣйствія элементы въ цѣломъ обществѣ и въ каждомъ гражданинѣ. Въ этомъ отношеніи Петербургъ готовъ сказать: *Sit experimentum in anima vili*. Вотъ тутъ-то я съ нимъ расхожусь и думаю, что эта *anima vilis* сдѣлаетъ отпоръ и покажетъ своего рода силу, которую теоретики никогда не подозреваютъ.

Что ни день, то новость. Вотъ и внутренній заемъ въ 100 милліоновъ на условіяхъ чрезвычайно, *чрезмѣрно* выгодныхъ. Эта выгодность и запутанная мотивировка указа показываютъ, что состояніе нашихъ финансовъ болѣе нежели неудовлетворительно. Подписка, разумѣется, превзойдетъ ожиданія. Вѣроятно подпишутся на 300 или болѣе. Съ началомъ реализаціи вексельный курсъ нашъ упадетъ еще ниже. Лихорадка у насъ будетъ большая. Вкусъ къ лотереямъ разовьется.

Москва ничего не имѣетъ столичнаго: большая вѣстовица и сплетница, пересудамъ и критикамъ ея нѣтъ конца. Особенно этимъ щеголяютъ дамы; онѣ славятъ Христа, получаютъ небывалыя новости, дополняютъ ихъ, разряживаются и ѣздятъ съ визитами, хлопочутъ о бѣдномъ челоуѣчествѣ и собираются на бесѣды. Мужчины дѣлаютъ тоже, но здѣсь господствующая страсть—поругать Петербургъ, министровъ и Великаго Князя Константина. Какъ мужчины, такъ и женщины раздѣляются на праздношатающихся и свахъ. Первые ничего не дѣлаютъ, вторыя думаютъ, что онѣ дѣло дѣлаютъ. Къ этимъ двумъ стихіямъ съ 1856 г. присоединилась журналистика, въ лицахъ Аксакова, Павлова, Каткова. Основаніемъ этой стихіи, получившей съ гласностью, огромное значеніе, есть элементъ Русскій, по-славянофильски—Русь. Она чрез-

вычайно подозрительна и во всякомъ не-Русскомъ видить своего врага, который интригуеъ, говоря словами Каткова, лукавить и подготавлиеъ торжество свое, выражаясь по-славянофильски. Катковъ требуетъ, чтобы всѣ иновѣрцы превратились въ Русскихъ, „День“ требуетъ, чтобы всѣ и всякіе Русскіе подданные были православные. Это исходный пунктъ Московской публицистики, съ которымъ паралельно идетъ антагонизмъ къ Петербургу. Здѣсь таже подозрительность, и слово „Петербургскій“ равносильно бранному. То оно значитъ: поверхностное, канцелярское, заимствованное, то не свойственное Россіи, враждебное, даже измѣническое. Опираясь на кружки и клубы, публицистика образовала свои партіи и, въ случаѣ надобности, заводитъ агитаціи. Агитаціи переходять въ корпораціи, въ Думу, въ университетъ. Газеты разносятъ вѣсти объ этомъ, по дальнимъ краямъ, и тамъ пишутся письма, адреса, пьются тосты, посылаются телеграммы. Въ Москвѣ агитируютъ преимущественно празднoлюбцы, а распространяютъ агитаціи—свахи. Все бы это ничего, но вотъ что важно: за этою мнимою дѣятельностію, въ этихъ агитаціяхъ забываютъ объ отчетливомъ ученіи, о дѣлѣ. Молодежь готовится самая ненадежная, ни о какомъ порядочномъ профессорѣ и не слышно, никакого явленія, даже литературнаго, не укажешь даже съ большимъ снисхожденіемъ, а о нигилистахъ и нигилисткахъ слышишь и даже видишь много. Агитируетъ самъ старикъ Филаретъ, съ вѣчнымъ неудовлетвореннымъ самолюбіемъ; а нѣтъ проповѣди, которая хоть сколько нибудь остановила бы страшное развитіе пьянства, нѣтъ и публициста, который бы указалъ на печальныя и неотдаленныя послѣдствія настоящаго порядка вещей, въ которомъ именно порядка-то всего менѣе. Я не боюсь агитаціи Филарета. Она неумѣстна, безъ такта, противорѣчитъ и сану, и значенію. Я боюсь агитаціи почитателей Каткова, которые тянутъ ее на площадь, на улицу.

Генераль Шиповъ привозилъ мнѣ письмо шефа жандармовъ князи Долгорукова, въ которомъ ближайшій министръ просить Московскаго министра-на-покоѣ содѣйствовать съ своей стороны успѣху внутренняго займа расположеніемъ къ нему общественнаго мнѣнія Московскаго общества. Князю Долгорукову извѣстна дружба Шипова съ редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“, и потому просьба шефа жандармовъ относится косвенно къ журналисту: знаменіе нашего положенія знаменательное и, занося этотъ фактъ въ мою лѣтопись, я не безъ опасенія предвижу скорое пришествіе журнальнаго правленія и нумерическаго господства въ земствѣ и городскихъ общинахъ. Финансовое затрудненіе наше таково, что мы идемъ навстрѣчу банкротству и для покрытія дефицита дѣлаемъ новый долгъ и вносимъ въ бюджетъ новыя 6 м. рас-

хода. У насъ въ правительствѣ давно господствуетъ теорія. Съ возникновеніемъ публицистики теорія эта ищетъ опоры въ журналистахъ, отъ которыхъ зависитъ общественное мнѣніе, и особенно столь ублажаемое нами мнѣніе Европы. Все это кажется не имѣть особенной важности; но всего важнѣе здѣсь то, что правительство теряетъ подъ собою землю и становится на такомъ основаніи, при которомъ ни твердость, ни независимость невозможны: ибо теоріи самыя новыя очень стары и всегда зыбки, а опора, предлагаемая въ дневныхъ листахъ, измѣнчива и ломка. До приведенія въ порядокъ, какой-нибудь порядокъ, денежной единицы и бюджетнаго баланса нельзя дѣлать долги: они стѣснятъ и приведутъ къ новому упадку вексельнаго курса, и чѣмъ легче достигаются, тѣмъ непродуманнѣе употребляются.

Въ Москвѣ теперь изъ общихъ толковъ три. О судебныхъ уставахъ: ихъ раскупаютъ на расхватъ, и встрѣчены они съ большимъ сочувствіемъ, но задача введенія ихъ и дѣйствіе немалая, и сочувствіе выражается особенно потому, что нынѣшніе порядки до крайности неудовлетворительны. Противъ проектовъ и началъ 1862 г. сдѣланы два важныя въ Госуд. Совѣтѣ измѣненія: мировые судьи судятъ по законамъ, и имъ предписанъ особый уставъ о взысканіяхъ и наказаніяхъ, довольно широкій и довольно неполный. Судебное сословіе не получило предполагаемыхъ исключительности и независимости, и министръ сохраняетъ значительную степень вліянія непосредственно и чрезъ высочайшія утвержденія. Этого надобно было ожидать; да къ этому бы и пришли сами судьи, отрѣшившіеся отъ наградъ и милостей, раздаваемыхъ администраціей. Мнѣ кажется, должно ожидать затрудненій въ пріисканіи хорошихъ мировыхъ судей, какъ потому, что условія выбора довольно затруднительны, такъ и потому, что жалованье невелико (1500 р.), а прибавки его не дождешься отъ земства, и теперь отягощеннаго сборами. Должно ожидать большаго произвола въ первыхъ назначеніяхъ на замѣщеніе судебныхъ мѣстъ, и весьма можетъ статься, что назначенія эти совершатся самымъ одностороннимъ образомъ. Второй предметъ толковъ—это рѣчь Д. В. Скарятина въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, въ которой сторонникъ землевладѣльцевъ рѣзко обрисовываетъ жалкое состояніе производительности и банковыхъ операций въ настоящей Россіи, особенно съ 1861 года. Третій предметъ—это очеркъ составленія положенія 19 Февраля и участіе въ немъ Я. И. Ростовцева, въ послѣдней книжкѣ (Сентябрьской) „Русскаго Вѣстника“, Н. П. Семенова, одного изъ редакторовъ. Статья, довольно плохо написанная, весьма любопытна. Видишь, какъ люди идутъ оцупью и какъ приходятъ къ результатамъ, которые прежде а priori и in principio отвергали. Семеновъ пишеть

для прославленія Ростовцева, но услуга покойному плохая. Замѣчаетъ и сочинитель, выражаясь откровенно, что Ростовцевъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ членовъ комиссій. Я думаю, Милютина (Николая) и Соловьева (Я. А.).

Рѣчь Скарятина должна была произвести большой эффектъ въ партіи Николая Безобразова съ товарищи. Она особенно рельефно представляетъ прибыли по операціямъ банка: съ 1861 г. 2,400 тыс., въ 1862—1,400 тыс., въ 1863 г.—800 тыс. и убытковъ по учету векселей, въ 1818 г. 2 милліона, въ 1862 и 1863 гг. 5 милліон. *). Рѣчь очевидно гнетъ къ тому, чтобы доказать, что энергія нашей производительности ослабла отъ разстройства сельскаго хозяйства землевладѣльцевъ. Но рѣчи этой партіи недостаетъ двухъ аргументовъ: она не объясняетъ, отчего цѣны на хлѣбъ такъ низки, а главное, по моему мнѣнію, беретъ не ту исходную точку. Величайшій недостатокъ всѣхъ, при Петрѣ и при Екатеринѣ, нашихъ преобразователей—это ихъ теоритичность исхода, и отъ того непрактичность въ примѣненіи. Петрѣ переводитъ иностранное цѣликомъ, даже съ иностранными названіями. Екатерина читаетъ современныхъ мыслителей и дѣлаетъ извлеченія, а потомъ тетрадки свои обращаетъ въ Наказъ, а Сперанскій вводитъ эти мысли и замѣчанія въ Сводъ Законовъ.

Какая *tabula rasa* лежитъ предъ настоящею судебною реформою! Сколько будетъ ломки, искательствъ, мнимыхъ успѣховъ, и сколько личныхъ перемѣнъ, недочетовъ, разочарованій. Россія лично *terra incognita*, завоеванная непріателемъ и устраиваемая имъ на свой строй, какъ дикія степи, способная принять всякое устройство безъ всякой оппозиціи.

Едва начались желѣзныя дороги отъ Москвы и отъ Одессы, какъ завязалась горячая полемика о направленіи отъ Балты: на Кіевъ или на Кременчугъ? Въ Петербургѣ намѣчаютъ на Кременчугъ, Москва требуетъ на Кіевъ. Я сомнѣваюсь, чтобы она куданибудь пошла; и думаю, что она постоитъ у Балты. Денегъ нѣтъ. Дѣлаемый заемъ пойдетъ на покрытіе текущаго и будущаго дефицитовъ и на экстраординарные расходы, которые у насъ всегда найдутся. Но конечно, если уже вести дорогу, то на Кіевъ; но вести не теперь, а современно съ

*) Это взято изъ „Торговаго Сборника“ Красильникова. Вотъ его цифры: учетъ векселей уменьшился на 40%, ссуды вообще на 33%. Въ 1861 г. векселей учтено на 87 мил., съ 1862 г. на 73, а въ 1863 г. на 63 мил. рбл. Прибыли банкомъ получено въ 1862 г.—2,713,289 р. съ 1862 г.—1,394,260 р. въ 1863 г.—878,236 р. До ликвидаціи казна получила чистой прибыли 16,949,984 р. Въ 1862 г. понесено убытку—2,194,726 р., а въ 1863 г. 5,573,883 р.

дорогою изъ Москвы въ Кіевъ; иначе Московско-Кіевскій трактъ потеряетъ и нынѣшнее значеніе, а въ политическомъ отношеніи это будетъ просто ошибка. Связь должна быть съ Москвою и ни съ чѣмъ, какъ съ Москвою, центромъ Великорусскихъ нашихъ элементовъ.

Съ возвращеніемъ Великаго Князя Константина агитаціи наши опять усиливаются, и журнальныя пренія отзываются еще сильнѣйшею желчью. Особенно рѣзки „Голосъ“ Краевского и „СПб. Вѣдомости“ Корша. Такъ стараются теперь и въ обществѣ охладить участіе къ внутреннему займу единственно потому, что мѣра эта будто бы придумана и рѣшена между министромъ Рейтерномъ и Великимъ Княземъ. Приѣхавшіе изъ П-рга говорятъ, что общая цифра не достигаетъ и 200 м. р. Если это дѣйствительно такъ, то фіаско, новое фіаско доказываетъ прямое недовѣріе общества къ правительству. Если уже и такія *чрезмѣрные* выгоды не могутъ привлечь желающихъ, то и большіе и малые капиталы не надѣются на состоятельность правительства и смотрятъ на планъ займа какъ на обманъ, надуванье. Дѣйствительно, обѣщаютъ такъ много премій, выигрышей и процентовъ, что знакомый съ дѣломъ невольно долженъ предположить или совершенный недостатокъ, занимающій во что бы то ни стало, или преднамѣренное неисполненіе взятыхъ обязательствъ. Я желаю вѣрить, что подписка—хотя подписка на $\frac{1}{10}$ ничего не значитъ—дастъ по крайней мѣрѣ 500 м. *).

Я боленъ. По своей неосторожности, какъ всегда, напившись послѣ обѣда холоднаго пива, я почувствовалъ безпорядки въ брюшной полости и, запустивъ болѣзнь, пришелъ къ такому состоянію, въ которомъ надобно было опасаться воспаленія и которое привело меня къ самой непріятной вещи: лѣченію. Я пилъ микстуру, вытерпѣлъ 8 піявокъ и взялъ 2 ванны. Теперь, слава Богу, лучше, но я не вызжаю.

Германскіе негоціанты, послѣ многихъ завѣщаній, составили записку о необходимости особаго трактата цольферейна съ Россіей относи-

---

*) По телеграфу дано знать, что подписка простирается до 115 м. р. Это болѣе нежеланнаго фіаско. Но бояться и удручаться этимъ много не должно. Это происходитъ: во 1-ю отъ общаго безденежья, на которое всюду жалуются и которое посылается обстоятельствомъ для регулированія расходовъ мѣстной жизни, никогда не бывшей въ нормальныхъ границахъ. Во 2-ю, отъ застоя въ нашей вѣдшей торговлѣ, который тоже бѣдствіе временное, имѣющее болѣе постоянныя послѣдствія въ развитіи внутренней промышленности. Въ 3-ю, въ недостаточности плана лотереи: а) при малочисленности конторъ слѣдовало открыть подписку во всѣхъ губернскихъ и торговыхъ городахъ; б) назначеніе срока подписки болѣе продолжительное (это и сдѣлано,—вмѣсто 4 продолжено до 15 Января 1865, но сдѣлано послѣ заключенія подписки); в) назначить уплату тоже въ болѣе продолжительные сроки, и г) избрать другое время, а не конецъ года, когда заканчиваются счета и расчеты, и въ 4-ю, недовѣріе къ правительству.

тельно взаимныхъ пошлинъ привоза и транзита. Записка эта, написанная, какъ говорятъ, Ѳ. Г. Тернеромъ, довольно обширная и обстоятельная, по распоряженію министра финансовъ напечатана въ газетахъ и предложена купечеству, между прочимъ, въ Нижнемъ Новгородѣ, на ярмаркѣ. На дняхъ былъ у меня предсѣдатель ярмарочнаго комитета Александръ Павловичъ Шиповъ и принесъ мнѣ рѣчь свою собранію купечества, обращенную собраніемъ въ протоколъ, какъ рѣшительное мнѣніе купечества о предложеніи Германскаго цольферейна. Это рѣшительный отказъ, даже болѣе рѣшительный нежели всѣ отказы Русскихъ торговцевъ на предложенія иностранцевъ. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ тонѣ и основаніяхъ отказа. Записка названа во первыхъ, „Запискою Нѣмцевъ“, и это презрительное выраженіе повторяется на каждой страницѣ. Шиповъ обѣщается обнять предметъ *ab ovo* и показать, основываясь на фактахъ и официальныхъ свѣдѣніяхъ, постепенное развитіе и періоды упадка и процвѣтанія нашихъ мануфактуръ и ви́шней торговли. Ничего этого нѣтъ. Множество декламаций, выходокъ противъ Нѣмцевъ, противъ системы Тенгоборскаго, противъ тарифа 1857 г. и указаній на недостатокъ покровительства машиннаго производства и химическихъ издѣлій, близко касающихся самого оратора. Мнѣ понятно, что господствующіе въ Петербургѣ фритредеры могли и должны были вызвать реакцію со стороны мѣстнаго купечества. Рѣзкіе переходы, какъ тарифъ 1857 г., убиваютъ капиталы и основываютъ предприимчивость; но зачѣмъ же эта запальчивость, почему эта голословность, послѣ такихъ богатыхъ, научныхъ обѣщаній опроверженія? Очевидно, съ нами совершается превращеніе, перемѣщеніе, и центры тяготѣнія поколебались. Я думаю, что правительство не знаетъ точныхъ результатовъ и срока исхода. Это конечно жаль, чтобы не сказать болѣе. Но разъ избравши путь либеральный, здѣсь и тамъ, правительство не можетъ же оиять идти назадъ и обратиться къ тарифу 1823 г. Хорошо указываетъ ошибки финансоваго (банковаго) управленія нѣкто Красильниковъ, издатель „Торговаго Сборника“, когда-то агентъ и правитель Англійской конторы въ Лондонѣ. Всѣ эти наѣзники такъ и щиплютъ бѣдное, дѣйствительно *бѣдное*, управленіе.

Увольненіе барона Ливена и назначеніе генераль-губернаторомъ гр. Шувалова произвело впечатлѣніе и волненіе въ кружкахъ Московскихъ. Униженія, которымъ подверглась Русская національность въ дневныхъ листахъ и научныхъ политическихъ брошюрахъ и книгахъ, пробудили національную гордость, а раздражительные споры сепаратистовъ укрѣпили это чувство до того, что—по пословицѣ: дай долю, Русскій двѣ возьметъ—патріоты только и кричатъ: Русскій, Русскій!

Столкновеніе съ Остзейскими учрежденіями не нуждалось въ поводахъ. Еще прежде вызывательной проповѣди суперинтендента доктора Вальтера, вопросъ о городскомъ хозяйствѣ готовъ былъ измѣниться въ корни и основаніяхъ. Его задерживала Нѣмецкая партія въ Петербургѣ, особенно гр. Блудовъ и въ послѣднее время Валуевъ. Съ положеніемъ 19 Февраля 1861 г. и земскій вопросъ поступилъ на очередь, найдя рыцарей дома и за стѣнами. Благовѣщенскій, учитель одной изъ гимназій, напечаталъ въ Дрезденѣ брошюру *Der Este und sein Herr* и потомъ множество подобныхъ изданій и репликъ, статьи „Русскаго Инвалида“ (весьма рѣзкія), отвѣты Петербургской Нѣмецкой газеты, особенно спокойныя и объемистыя статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ и неловкая защита учреждений края въ „Сѣверной Почтѣ“ Валуева дали вопросу значеніе общее и поставили его лицомъ къ лицу съ сепаратистскими тенденціями и съ развитіемъ Германскаго элемента вообще и Прусской монархіи въ особенности. Но городскія и земскія учрежденія края такъ крѣпки, что выдержали напоръ и сохранили свои средне-вѣковые порядки и обстановки. Учрежденія судебныя, уже и по общечеловѣческому свойству своему, имѣють тѣмъ менѣе устоя, что сплоченныя изъ разныхъ доскутьевъ, они и въ средѣ края вызывали общія требованія преобразования. Еще въ мое время Остзейцы ходатайствовали объ открытіи у нихъ особаго департамента Сената собственно для Остзейскихъ дѣлъ, съ производствомъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Министерство и Комитетъ Министровъ отвергли это ходатайство. Капгеръ и я, бывшіе оберъ-прокурорами 2 отд. 5 д-та, менажировали ихъ особенности, проводя впрочемъ то правило, что статьи 2 ч. XV тома о ревизіи и аппеляціи для нихъ обязательны. Это было существенное. Съ обнародованіемъ общихъ основаній судебной реформы въ Имперіи Нѣмецкіе юристы края начали агитаціи и манифестаціи, подсмѣиваясь въ печатныхъ брошюрахъ, надъ нашими реформаторами, черпающими свои познанія изъ сборниковъ и лексиконовъ. Когда приказано было примѣнить эти основанія къ учрежденіямъ въ трехъ губерніяхъ, баронъ Ливенъ какъ-то неловко предложилъ объ этомъ оберъ-герихтамъ и двумъ магистратамъ, и таившаяся мысль о единствѣ, по крайней мѣрѣ въ судебномъ отношеніи, выразилась съ восторгомъ въ учрежденіи одной общей комиссіи въ Дерптѣ подъ предсѣдательствомъ старшаго президента барона фонъ-дербъ-Ховена. Это произвело взрывъ въ національной журналистикѣ, и рѣзкіе отзывы о сепаратизмѣ заставили барона Ливена снестись конфиденціально съ Петербургомъ и по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ просить увольненія. Увольненіе его не такъ важно; онъ очень мало значилъ въ краѣ, и губернаторы, какъ фонъ-Эттингенъ и попечитель университета графъ Кейзерлингъ совершенно его затирали.

Важно назначеніе гр. Шувалова. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ назначеніемъ измѣнится вся система управленія, и Русскій элементъ получитъ болѣе правъ гражданства. Не странно-ли, что еще въ Сентябрѣ 1844 г. посѣтивъ Остзейскія стороны, я представлялъ графу Панину, что въ Ригѣ Русскій человѣкъ, въ Россійской Имперіи, допрашивается по нѣмецки. Тогда съ этимъ представленіемъ согласились и графъ Панинъ, и графъ Блудовъ; доложили и Государю, и высочайше повелѣно исполнить и—вотъ 20 лѣтъ прошло, и все ничего. Не всплыветъ-ли это теперь?

Самый интересный современный вопросъ есть безъ сомнѣнія Шлезвигъ-Гольштинскій и ловкая бойкая политика фонъ-Бисмарка. Положеніе герцогствъ дѣйствительно странно и загадочно. Двѣ великія державы, не смотря на подписаніе Лондонскаго трактата, ополчаются противъ маленькой Даніи, отнимаютъ герцогства и на основаніи уступленныхъ Датскимъ королемъ правъ остаются тамъ и хозяйничаютъ, не смотря на протесты во Франкфуртѣ, нисколько по видимому не заботясь о претендентахъ, которыхъ уже двое: Аугустенбургъ и Ольденбургъ. Ни права трактатовъ, ни уваженіе малосильнаго не принимаются во вниманіе. Общій голосъ приписываетъ Пруссіи намѣреніе присоединить герцогства себѣ. Всѣ удивляются умѣнью г. Бисмарка вести дѣла. Онъ счастливо выпутался изъ смуть внутреннихъ, когда палата не позволяла ни одного шагу правительству. Онъ счастливо покончилъ войну, возбуждая народный энтузіазмъ и устроивъ Австріи подчиненное положеніе. Все это такъ или почти такъ. Но такъ дешево нынче дѣла не дѣлаются. Ни одна изъ великихъ державъ не согласится на такое измѣненіе существующаго равновѣсія силъ, хотя бы Франція уступила лучшую границу за Рейномъ, а Австріи сдѣлали уплату, которая могла бы поправить финансы и гарантировала Венецію. Большинство Пруссіи съ восторгомъ приняло побѣдителей. Король и правители сдѣлали все, чтобы возвысить событіе и увѣковѣчить его величіе; но въ средѣ мыслящаго класса подвигъ этотъ большой важности не имѣетъ. Въ партіи демократической онъ не найдетъ и отдаленнаго сочувствія, ибо демократическія учрежденія герцогствъ должны потерпѣть чувствительный уронъ, а напротивъ усиленіе элемента правительственнаго для нея вовсе не желательно. Когда фонъ-Бисмаркъ сойдется съ палатою, это будетъ подвигъ, но здѣсь-то и ожидаетъ его пораженіе. Палата вся изъ демократовъ, и они такъ наторѣли, что борьба начнется съ первыхъ засѣданій. Три года Пруссія безъ законнаго бюджета, и нѣтъ вѣрныхъ основаній ожидать, чтобы онъ состоялся и въ 1865 г. Обѣ стороны, опираясь на военныхъ триумфахъ, станутъ другъ про-

тивъ друга или съ большими предубѣжденіями, и оппозиція укажетъ этимъ триумфамъ невысокое мѣсто, хотя бы отъ этого могла потерпѣть и національная слава. Демократамъ національность есть условіе второстепенное. Да и общее мнѣніе Европы не будетъ на сторонѣ Бисмарка. Гегемонія Пруссіи имѣетъ въ себѣ что-то неестественное, несовременное, военное. Австрія можетъ воспользоваться обстоятельствами и стать во главѣ недовольныхъ, всѣхъ среднихъ державъ, и занять первенствующее положеніе. Выжидательность и предательская хитрость всегда были въ преданіяхъ Австріи.

Вообще и весь 1864 г. я считаю приближеніемъ къ тому порядку вещей, въ которомъ республика и социализмъ, т. е. ограниченіе власти и собственности, будутъ оказывать все болѣе и болѣе чувствительное вліяніе, а рядомъ съ ними и индиферентизмъ и эманципація общественная все болѣе и болѣе будутъ готовить почву къ нарожденіямъ новыхъ видовъ, для которыхъ нынѣшнія господствующія убѣжденія и формы покажутся и слабы, и узки. За исключеніемъ Англіи нѣтъ ни одного государства, которое могло бы рассчитывать на правильное развитіе и опредѣленные результаты. Можетъ быть, въ непродолжительномъ будущемъ въ Европѣ измѣнятся центры тяготѣнія. Итальянское объединеніе и стремленіе къ единству Германскихъ племенъ, радикальныя реформы въ Россіи и броженіе въ Турецкихъ христіанскихъ провинціяхъ готовятъ новый порядокъ, для котораго вырабатывается новое право. Въ настоящее время Европа истощается бюджетами, и военные расходы растутъ непомерно. Доколѣ Франція не придетъ въ нормальное положеніе, всѣ вопросы: Итальянскій, Дунайскій, Венгерскій и Польскій, всѣ будутъ ожидать права гражданства, и все сдѣлаться можетъ предметомъ вопроса. Три событія оставляетъ имъ 1864 г. 1) войну въ Америкѣ, 2) папское посланіе 8 Декабря и 3) лихорадочныя реформы въ Россіи. Война Американская все болѣе и болѣе локализируется, и въ отсутствіи хлопка, даже въ Англіи, далеко не имѣетъ тѣхъ угрожающихъ послѣдствій, которыхъ такъ опасались. Послѣдствія эти еще менѣе важны для прочихъ государствъ и особенно для нашихъ немногочисленныхъ фабрикъ. Война эта гораздо важнѣе въ теоретическомъ отношеніи. Она опровергаетъ ученіе о децентрализаціи и подтверждаетъ, что государство не есть союзъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ областей, но ограниченное цѣлое, въ которомъ всѣ части въ зависимости отъ цѣлаго. Загадочно посланіе папы. Оспаривая всѣ достижения современной эпохи, папа вдается въ такія крайности, что въ выраженіяхъ его энциклики можно видѣть ослѣпленіе, находящее обыкновенно передъ смертью. Уже въ самый разгаръ Французской революціи, уже

и при полномъ дѣйствиі Священнаго Союза, нельзя было говорить какъ говорить Пій IX-й, и церковная опека есть насмѣшка въ глазахъ самыхъ католическихъ католиковъ. Папа рассчитываетъ на фанатизмъ, но онъ не воспрянетъ, и во всякомъ случаѣ это есть, когда онъ есть, двигатель, но не опора. Должно ожидать, что съ ослабленіемъ папской организациі, усилятся клерикальныя партіи мѣстныя и съ ними заблужденія либеральной. Дурнаго тутъ нѣтъ. Затрудненія просвѣтляютъ воззрѣнія и положенія, и нѣкоторая остановка приводитъ къ обдуманности, всегда небезполезной. Не менѣе важны этой католической реформы преобразованія, совершаемыя въ Русскомъ мірѣ. Доселѣ насъ только чуждались и обѣгали. 280,000 Русскихъ живутъ въ чужихъ краяхъ; 200,000 Татаръ бѣжали изъ Крыма; 400,000 горцевъ выселились съ Кавказа. Теперь реформы щедро, роскошно, расточительно даруются одна за другою. Изъ насъ хотятъ сдѣлать совершенныхъ Европейцовъ, съ политическими правами, со всѣми утонченными огражденіями личности и собственности. Намъ остается при благоговѣйной признательности молить Бога, да удостоитъ Онъ великую націю вступить въ новую жизнь, водворить и усвоить лучшій порядокъ и подъ Его сѣнію достигнуть благосостоянія, жизни честной и любви братьевъ, старшихъ и младшихъ.

(Продолженіе будетъ).

Поправки къ 4-й книжкѣ „Русскаго Архива“ сего года.

На 527 стр. пропущены слова: „и однажды въ Пятигорскѣ сидѣлъ онъ у“.

На 528 стр., 3-я строка сверху, надо: — „составляя маршрутъ—обстоятельство это припомнили и....“

